

НЕ ТЕРПИТ ЗАМЕТКИ ФАЛЬШИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛЕНИНИАНЕ

Мы встречаемся не впервые на страницах книг и журналов, на театральной сцене и киноэкране с героями прошлого. История литературы и искусства богата такими произведениями. Все они воскрешают героическое, трагедийное, отстоящее от современников на годы, а то и на века, выявляя в действии, образе мысли персонажей историческую правду, звучащую и понятную сегодня.

Это вовсе не отрицает права автора на домысел, даже когда он воссоздает конкретные исторические события, выводит реальных, живших и борющихся людей. Но пристрастие к фактической основе берет верх. И вот уже «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида — журналистский репортаж высшего класса — вышли к рампе. И вот уже театры и киноэкраны многих стран обошел инсценированный «Дневник Анны Франк» — девочки, погибшей на пороге юности в фашистском концлагере. А работа ермоловцев — спектакль о лейтенанте Шмидте! А разыгранные ватанговцами письма Чехова и его корреспондентов!

«...припади и попей из реки по имени — «Факт». Можно подумать, что этот давний призыв Маяковского обращен непосредственно к современному художнику слова. Обилие и многообразие документальной литературы, ее расцвет, ее плюсы и минусы нуждаются в специальном разборе. Важно подчеркнуть притягательную для миллионов читателей силу документа. Появилась и документальная драматургия. «Вдруг» выяснилось, что дневник, протокол, мемуары, письма — отличная основа для драматического произведения. Конечно, факт сам по себе еще не искусство. Любой документальный материал нуждается в идейном осмыслении и художественном воплощении.

Вполне понятно, что в последнее время документальные очерки, повести, фильмы, телеспектакли о В. И. Ленине особенно привлекают читателей и зрителей, которые хотят сами осмыслить и оценить факты истории и современности. Однако в этой благородной работе, как нигде, нетерпима посредственность, елейная приторность и бестактность. Тема эта проходной, случайной быть не может.

С произведениями на ленинские темы выступают люди, чаще всего не впервые обращающиеся к Лениниане. Требования к разработке темы для них не новы. И если приходится говорить о досадных неудачах и срывах, то лишь потому, что авторы, а вслед за ними редакции некоторых журналов и издательств, желая «откликнуться» на актуальную тему, позволяют себе снижать необходимую взыскательность.

ПЕРВОЕ слово в документальной Лениниане принадлежит, конечно, мемуаристике. В самом деле, разве не воспоминания людей, работавших рядом с Лениным, трогают нас больше всего? Мы как бы слышим отзвук эпохи, сохранившиеся на века интонации речи Владимира Ильича, видим неповторимые детали, которые не найдешь нигде, кроме как в мемуарах.

С чувством понятной радости читаешь воспоминания академика Б. М. Кедрова «Запечатленный образ Ленина». Первая часть их озаглавлена столь непосредственно, что сразу же привлекает к себе доверие читателя — «Глазами мальчугана (эпизоды 1911—1917 годов)». Это именно эпизоды, подчас не связанные между собой. Автор ничего не домысливает, не модернизирует. Его записки — тактично воспроизведенные по памяти картины прошлого: Перловка под Москвой, Берн, Петроград... Владимир Ильич слушает игру на пианино Михаила Сергеевича Кедрова. Мы знали об этом от исполнителя. Запомним, как всего пять лет спустя он прямо с фронта пришел в Кремль с докладом и напомнил Ленину об этом вечере в Швейцарии. Как вздохнул Ленин в ответ на предложение Кедрова-старшего послушать его игру еще раз...

Все это, повторим, мы знали. И все же свидетельство подростка, встретившего в тот далекий вечер в Берне Ленина, привлекает точностью видения, умением ненавязчиво передать время, дух эпохи.

Вопрос о мемуаристике, посвященной Ленину, не прост. Не впервые возникают сомнения: а все ли человек хорошо запомнил? Верно ли он воспроизводит слова, поступки, характер Владимира Ильича? Нет-нет да и возникает недоверие к памяти мемуаристов. То ли под влиянием успехов электронно-вычислительной техники, то ли от чтения дурных фантастических романов, но память человечества — это старое, доброе, с древнейших времен культивируемое человеком запоми-

нающее устройство, вдруг объявляется безнадежно отсталым. Чем-то вроде ненужного придатка.

Одни критики требуют от авторов воспоминаний неперенной сверки своей памяти с архивными данными, чуть ли не исследовательского труда. Другие путают достоверность — этот главный критерий мемуарной литературы — с документальностью. И все это потому, что находятся такие мемуаристы, которые вольно или невольно искажают прошлое. Но нельзя на этом основании относиться с недоверием к мемуарной литературе вообще.

Пора бы нашим психологам вступить за права человеческой памяти. Она отнюдь не так ненадежна, как некоторые ее изображают. И она часто восполняет наши знания о прошлом, когда нет документальных свидетельств. Мы ведь нередко цитируем сказанное Владимиром Ильичем в беседе с Луначарским или Кларой Цеткин. Слова, которые запечатлела и донесла до читателя память мемуаристов. «Из всех искусств для нас важнейшим является кино», — это Ленин сказал Луначарскому. В документах этого не найдешь. А взгляды Ленина на литературу и искусство, изложенные в беседе с Кларой Цеткин? Мы знаем о них лишь со слов мемуаристки.

В архиве Н. К. Крупской хранится ее отзыв о пьесе К. Д. Гандурина, старого коммуниста, участника революционных событий 1905 года в Иваново-Вознесенске. Надежда Константиновна подробно описывает постановку пьесы в театре, излагает ее содержание, а в заключение пишет: «Молодым членам партии надо знать прошлое партии. Не только то им надо знать, когда какой съезд был и какие когда резолюции были приняты. Этого мало. Надо знать живую историю партии».

Изучить эту «живую историю партии» действительно помогают воспоминания старых коммунистов. Хочется назвать в первую очередь мемуары Е. Д. Стасовой, Г. М. Кржижановского, О. Б. и П. Н. Лепешинских, Ц. С. Зеликсон-Бобровской, М. М. Эсен, Л. А. Фотиевой и многих других, включенные в пятитомник воспоминаний, подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Этой же цели служат и литературные произведения Ленинианы, в которых автор сохраняет верность исторической правде при ее художественном осмыслении.

Но, к сожалению, иные авторы изменяют этой правде жизни. Свою новую повесть «Невский лед» представил вниманию читателей писатель Иван Кычаков. Критика уже не раз указывала на противоречия между его драматургическими домыслами и реальной исторической правдой. Еще «отважнее» нарушает ее писатель, обратившись теперь к прозе. Для него как бы вообще не существует ни биографической, ни хронологической, ни географической истин. Ленин в повести ссылается на «Немецкую идеологию» Маркса и Энгельса, хотя она опубликована впервые лишь десятилетие спустя после его кончины. Ленинский реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках» написан уже в Петербурге — в ответ на аналогичную работу Г. Б. Кривошеина. По утверждению же Кычакова, это якобы произошло «еще в Самаре». Статью «От какого наследства мы отказываемся?» Владимир Ильич закончил в ссылке — в конце 1897 года. Прозаик относит ее к 1894—1895 годам.

Количество подобных, лишь выборочно приведенных нами ошибок, так сказать, переходит в качество и наглядно характеризует скудость исторических сведений автора. Искажены и характеристики героев его повести — психологические, политические. Так, Крупской зачем-то приписывается «сухой тон... педантичной учительницы», хотя именно против сухости и педантизма состоят все педагогические труды Надежды Константиновны, весь ее необыкновенно сердечный духовный облик. А ее ученики — люди типа И. В. Бабушкина или В. А. Шелгунова — в повести почему-то бродят по Петербургу в «рваных одеждах»...

Анатолия Ванеева автор объявляет... «прижимистым». А в Глебе Кржижановском усматривает лишь... «гитариста», хотя привязанность к гитаре отличала Василия Старкова...

Их общий друг Петр Запорожец собственной рукой переписал ленинские статьи для «Рабочего дела», спасая Владимира Ильича по меньшей мере от еще двух лет сибирской ссылки. Но этого мужественного революционера писатель превратил в беспомощного человека, которого еще в детстве «сглазила» некая злокозненная старуха монашка. Вот как описана в повести состояние Запорожца в тюрьме с первых же минут заключения: «...У него уже не было сил ни сидеть, ни ходить, ни стоять... камера пуга-

ла... ему страшно было смотреть в темноту... хотелось закричать... жестяная стола казалась плохой...». О самоотверженном соратнике Владимира Ильича только и читаешь: «почему-то испугался», «с тревогой посмотрел», «с страхом подумал», «с опаской ходил», «подавлен и душевно рассеян». Петра Запорожца физически и впрямь сломали тюрьма. Но он не стал предателем. Не был до заключения душевнобольным. Вопреки утверждению автора, Запорожец никогда не вступал в близкие отношения с Марией Ветровой — другой трагической фигурой революционного движения 90-х годов, — той, что живо сожгла себя в Трубецком бастионе Петропавловки...

У беллетристического домысла в историко-революционной прозе есть свои пределы. Нельзя, скажем, конструировать мелодраматический «роман» между двумя историческими лицами, не имея для этого никаких оснований. Не удивительно поэтому, что М. К. Запорожец — сестра выдающегося деятеля ленинского «Союза борьбы» — в своем письме в редакцию резко отрицательно отзывалась о повести.

По отзывам ее и других старых большевиков, повесть «Невский лед» «густо приправлена недостойной советского писателя мистикой... построена на фальшивой основе».

Решительно ничего общего с исторической правдой не имеет и все то, что сочиняет писатель о поведении и настроении Владимира Ильича в тюрьме. Все современники в один голос говорят об исключительной энергии 25-летнего «Старика», который и в камере «предварилки» продолжал плодотворно трудиться для революции. По мнению же автора повести, Ленин, как и Запорожец, видит в своем аресте — факте печальном, но будничном для революционера-подпольщика тех лет, — «начало конца... Конца... конца... провал. Полный провал». Он пишет, что «люди в синих (читай: голубых — жандармских!) мундирах... не скрывая ликования», отметили «растерянность» Владимира Ильича, которой на самом деле не было и в помине.

В повести Ивана Кычакова особенно наглядны те приметы беллетристического субъективизма, которые имеют место и в некоторых других произведениях современной Ленинианы. Есть они, например, и в трилогии Нины Нечволодовой и Леонида Резниченко «Юность Ленина», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия».

Владимир Ильич, как общеизвестно, презирал мажорно-реакционный, черносотенный учебник истории Ульянского. А в повести Волода Ульянов называется этого мракобеса... «самым умным, самым сведущим... самым-самым знающим из всех».

Неосведомленность неизмеримо безграничнее знания! Красноречиво свидетельствует об этом очерк Бориса Евгеньева «Маяк на площади Революции» («Москва», № 4, 1970 год). В Шувшенское, как известно, Владимир Ильич прибыл по так называемому «проходному свидетельству». Очеркист, однако, считает, что его якобы туда «привезли... на лошадей», жандармы. Надежда Константиновна, по еще более отважному предположению автора очерка, в прямую противоположность всем без исключения петербургским революционным марксистам, высоко ценившим «Старика», даже «и не подозревала, с каким человеком навсего связывает свою судьбу».

Очеркист чистосердечно признается читателям, что решительно «каждый раз, выйдя из Музея Ленина», ему хочется «побыть одному, подумать. Обязательно побыть одному и подумать». Жаль, что предметом этих многократных размышлений еще ни разу не стали пути приобретения хотя бы самых элементарных биографических сведений о Владимире Ильиче...

НА КАКОЙ ЖЕ ПОЧВЕ произрастают подобные явления? Ответ не всегда однозначен. Дело не в одной легкости авторской мысли и безответственности редакторов. Причина лежит глубже.

Всячески рекомендуя читателям популярную книгу И. И. Скворцова-Степанова, Ленин писал в предисловии к ней, что «автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов». А в письме автору, поздравляя его «с великодушным успехом», Владимир Ильич подчеркнул, что книга эта — образец того, как надо учить не «полунушке», а всей науке.

Не довольствуются ли иные авторы публикаций и повествований Ленинианы «полунушкой» — нахватавшими знаниями, верхушками сведений, обрывками прочитанного? Для того, чтобы написать о Ленине хоть одну страницу, надо самому прочитать о нем сотни и тысячи страниц. Необходимо вжиться в тему, овладеть ею.

Наш читатель хочет знать больше о Ленине. Ключевой струей родника — вот что в первую очередь жаждет читатель. И тому, кто берется за ленинскую тему, полезно напомнить о том, что река по имени «Факт» всегда должна быть чистой.

Ю. ШАРАПОВ,
Б. ЯКОВЛЕВ.